

УДК 398 (470.621)

ББК 82.3 (2=Ады)

У 58

Унарокова Р. Б.

Доктор филологических наук, профессор кафедры истории и культуры адыгов Адыгейского государственного университета, e-mail: raya_unarokova@bk.ru

Шхабацева М. А.

Аспирант кафедры истории и культуры адыгов Адыгейского государственного университета, e-mail: marina_shhabaceva@mail.ru

Объективация идеального героя в колыбельных песнях адыгов *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматриваются жанровые особенности и обрядовый контекст адыгских колыбельных песен. Анализируется художественно-стилевая специфика текстов. Исследуется сюжетосложение и поэтика колыбельных песен. Выявляются принципы образостроения идеального героя. Основным выводом является положение о том, что колыбельные песни адыгов прогнозируют модель будущей жизни ребенка.

Ключевые слова:

Материнский фольклор, поэзия пестования, колыбельная песня, идеальный герой, доблестный воин, модель будущей жизни ребенка.

Unarokova R.B.

Doctor of Philology, Professor of Department of History and Culture of Adyghes, Adyghe State University, e-mail: raya_unarokova@bk.ru

Shkhabatseva M.A.

Post-graduate student of Department of History and Culture of Adyghes, Adyghe State University, e-mail: marina_shhabaceva@mail.ru

Objectification of ideal hero in lullabies of Adyghes

Abstract:

The paper examines genre features and ritual context of the Adyghe lullabies. The artistic and stylistic specificity of texts is analyzed. The plot-formation and poetics of lullabies are studied. Principles of image formation of ideal hero are identified. The main conclusion is drawn that lullabies of the Adyghes forecast the model of the future life of the child.

Keywords:

Maternal folklore, poetry of nurturing, lullaby, an ideal hero, a valiant warrior, a model of the future life of the child.

Детский фольклор – это особая область народного творчества. Он представлен двумя жанровыми группами: материнским фольклором или поэзией пестования и собственно детским фольклором. Как отмечает И. Н. Райкова, «различие между этими группами не столько в том, взрослые или дети являются носителями

традиции, сколько в возрасте детей, так или иначе включенных в нее. ... Вначале ребенок включен в традицию пестования, затем – в собственно детскую» [1: 4].

Одним из основных величальных и наиболее известных жанров материнского фольклора является колыбельная песня. Она «щедро впитала в себя народную поэтическую образность», как по содержанию, так и по форме [2: 309]. Основной функцией колыбельной песни, какого бы содержания она ни была, является умиротворение ребенка. Этому способствуют спокойный, размеренный ритм и монотонный напев, сопровождаемый покачиванием колыбели [3].

В адыгском детском фольклоре колыбельные песни занимают особое место. Возникновение интереса к ним мы наблюдаем с середины XIX века. В публикациях фольклорных текстов адыгских просветителей содержится множество текстов колыбельных песен. Хан-Гирей выделил колыбельные песни в отдельный жанр, обозначив их собственно адыгским термином *кушьэкьо орэд*. В трудах современных исследователей-адыговедов, таких как М. А. Меретуков, М. И. Мижаев, З. М. Налоев, М. А. Джандар, Р. Б. Унарокова, А. М. Агержаноква, Ф. М. Гучетль, мы находим достаточно интересные наблюдения относительно содержания, функции, способа приуроченности к детскому обряду, жанровых особенностей колыбельных песен. Тем не менее, малоизученными остаются проблемы классификации и художественной специфики адыгского детского фольклора [4]. Нами проанализированы работы вышеназванных авторов. К исследованию также привлечен 61 текст колыбельных песен. Из них 51 посвящены мальчикам, 8 – девочкам, 2 песни содержат тексты и для мальчиков, и для девочек [5] (здесь и далее ссылки на тексты песен даются на основе коллекции детского фольклора, хранящегося в архиве Центра адыговедения НИИ комплексных проблем АГУ).

Адыгские колыбельные песни (*кушьэ орэдхэр*) имеют свои особенности, которые объективируются как ритуальным контекстом, так и художественно-стилевой спецификой. Так, если у всех народов основными носителями колыбельных песен являлись женщины, у адыгов они «создавались и исполнялись также и мужчинами-певцами, что было связано с древним обычаем аталычества» [6: 112]. Воспитатель (*аталыкъ*) заказывал сочинителям (*джэгокло-усаклу*) особую колыбельную песню для воспитанника (*нлур-кушьэ орэд*). Адыгский просветитель Хан-Гирей заметил, что сюжеты подобных колыбельных песен состояли из трех частей: в первой части восхвалялся род, у которого появился младенец; во второй воспевалась добропорядочность его родителей; последняя часть посвящалась самому ребенку. В ней подробно описывались идеальные представления о будущей жизни ребенка [7: 122-123]. Дошедшие до сегодняшнего времени тексты *нлур-кушьэ орэд*, являются версиями третьей части.

Как показало исследование, существует два типа колыбельных: песни, приуроченные к укладыванию ребенка в колыбель и собственно колыбельные песни. Первый тип «состоит из цепочек междометий и побуждающих слов, повторяющихся в такт с движениями колыбели». Акцент в них сделан на мелодии, тогда как вербальная составляющая импровизируется с каждым исполнением. Адыги их называют *цэнэ орэд* (досл.: «сквозь передние зубы звучащая песня»), в значении «песня вполголоса»), что указывает на характер произнесения звука и форму импровизации. Как отмечает М. И. Мижаев, песни-импровизации «отражают переживания матери (бабушки/воспитательницы – М. Ш.) в данный конкретный момент и могут впредь не повторяться» [6: 115]. Второй тип - собственно колыбельные песни, которые специально сочинялись по заказу. В них развивалась словесная составляющая, образуя сюжет или ти-

радную цепочку благопожеланий.

Адыгские колыбельные песни полифункциональны. Они выполняют предрекательную, благопожелательную, предохранительную функции. В предрекательных песнях прославлялся и возвеличивался род, а ребенок наделялся желаемыми качествами. Песня создавала некую модель его будущей жизни. В благопожелательных песнях заложены лучшие чувства родных, желающих малышу здоровья, крепкого сна, благополучия. Предохранительную функцию выполняла не только колыбельная песня, но и детский обряд, к которому она приурочена. Весь этот комплекс «есть не что иное, как язык магии, призванной оберегать новорожденного, обеспечить ему славное будущее и долголетие» [6: 89].

По типу текста собственно колыбельные песни классифицируются как императивные и повествовательные. По представлению адыгов, императивные песни обращены к самому ребенку с пожеланиями всяческих благ, а также к близким людям и Всевышнему, от которых зависит судьба малыша. Для повествовательных песен характерно описание картины окружающей действительности.

В колыбельных песнях адыгов часто противопоставляется два мотива: с одной стороны, безоблачное счастливое будущее малыша, с другой - нелегкая жизнь, выпавшая на долю исполнительницы, «словно хочет разжалобить высшие силы, чтобы ее страдания зачлись в будущей хорошей жизни ребенку» [2: 315].

Как отмечено выше, одним из основных функций материнского фольклора является оберег. В адыгских колыбельных песнях усыпляющая магия – заговор – объективируется постоянным употреблением канонических формул усыпления. В качестве подобных формул выступают глаголы в изъявительном, повелительном наклонениях, а также величально-убаюкивающие слова: *чыычье, синэфын, лай-лаир, сэ силашлу* (спи,

спи, мой свет, лай-лай делай, мой сладкий). Подчеркивая общественную значимость охранной функции колыбельных песен, З. М. Налоев пишет, что «это назначение было прочно закреплено традиционными поэтическими формулами, самой популярной и постоянной из которых была та, что отражала идеал могучего воина - защитника Родины» [9: 19].

Для сравнения мы рассмотрели некоторые заговорные песни других народов. Так, в колыбельных песнях народов Дагестана в большей степени к заговорам относят благопожелания. Анализируя тексты этих песен, Ф. О. Абакарова пишет, что «через колыбельные песни мать посылает добрые пожелания отцу ребенка, находящемуся в пути» [2: 311 цитируется по Ибрагимовой Ф. М.].

В русских колыбельных песнях заговором-оберегом являлся мотив «смерти ребенка», веря в то, что «призывая смерть, тем самым отгоняли ее, оберегали ребенка». В таких колыбельных песнях типичным является «договор с представителями иного мира», обещание им подношения, взамен чего просят благополучие и сон для ребенка. В них присутствуют и такие, свойственные заговорам особенности, как обращение к животным: коту, как к «носителю» сна, курице, как к воплощению женского и материнского начала. «После принятия христианства в колыбельных песнях появляются образы традиционных защитников – ангелов, святых, господ Бога, которых призывают для помощи и благословения» [3].

Ведущим мотивом адыгских колыбельных песен является прогнозирование достойной будущей жизни ребенка. Сюжеты песен, посвященные мальчикам, являются наиболее полными. В них сосредоточена вся картина будущей достойной жизни ребенка, которая представлена через образ идеального героя. У адыгов появление на свет мальчика было большой радостью и надеждой не только для родителей, но и для всего общества, поскольку

ку на него смотрели как на будущего защитника народа. В колыбельных песнях, посвященных мальчикам, нами выделено несколько мотивов:

- благопожелания, адресованные родителям: *уянэу укьэзыльфым дышьашьхьэр шлобгьакли* (мать, родившая тебя, обрела золотую голову);
- благопожелания ребенку: *о бгьэшилэцтым Пегьымбарышхор клэльэуа, сиклэлэхьум еслолагьэхэр кьэхьулла* (долголетия для тебя Пророк просит, да сбудется то, о чем я прошу Бога);
- наставления старших: *дунэе нэфым зафэу укьытехь, узхэты цыфыхэм пацэу уафэхэу* (ты на белый свет справедливым явился, будь предводителем, как вырастешь, сделай добро для своей матери);
- повседневная героическая жизнедеятельность идеального героя. Если предыдущие три мотива являются вспомогательными, то этот мотив является основным и наиболее разработанным. В соответствии с миропониманием адыгов, идеальным героем является мужественный, бесстрашный, щедрый воин - защитник Отечества.

Образ искусного, удалого воина актуализируется следующими формулами: *лэпхуамбэ плацэцц, шэ плацэрыуэцц, зэуэмэ шремыуэхэу, зытехуэр шремыхьуж* (крупнопалый, крупными стрелами стреляющий, стреляя, да не промахнется, в кого попадет, [тот] да не выживет) [11: 167]. Наездник так часто находится в седле, что стремя его «огьу мазэу мэшилэта» (как луна сверкает).

Бесстрашие, храбрость являются надежными спутниками воина во время битвы: *ежьыр кьэлэжьыешьы, заом фэшьэдэжашьа. дзитлум макьэр зашьыккэ, зышьор зэмыкккэ* (он сам – крепость малая, в войне – великан, как сразятся два войска, кто не теряет присутствия духа). Идеальный герой песен не ведает страха, он – стойкий, отважный: *пхээжь машлоу мэустхьуи, орэда, пыустхьуклрэм цыфыбэ егьэубзи, орэда.*

(разгорается словно пламя от старой древесины, чьи искры летящие заставляют врагов трепетать).

Центральный герой колыбельных песен не только отважный герой. Он - ответственный предводитель войска: *шыупэшэсьышьы, шлэхьы дэдэу зефана.* (он – предводитель, и раньше всех собирается в путь). За ним следуют его боевые соратники, потому что он – надежный, ему доверяют: *тхьам кьыгьэшилыгьэ цыфыр ишыуж кьырэкли, орэда. «нэкли» - алошьы рацажьы, орэда. а, зигуклодыгьомэ, нынэ, а, уряпкьэушкы* (все люди идут за ним, «пошли» говорят и его берут с собой, кто растерялся, упал духом, для них он - великая опора).

Предводитель своей доблестью вызывает интерес у окружающих. В песнях часто называется конкретный род, представителем которого он является. Например, «*клэлнагьор - Бэрэтармэ ялургьашу*» (кареглазый мальчик - Беретаревыми лелеянный воспитанник). Люди преклоняются перед ним: *дышьэкор кьарерэгьачьэшь, чьэритлор кьыкларегьашл, шыгуминэр уишьхьагьырытэу, шыушьитфэр уилофытабгэу, пэчьахьым узэрещ* (золотую карету кто заказывает, двух вороных кто запрягает, тысяча всадников в чьем сопровождении, пятьсот всадников чьи посылные, сам царь в чьем услужении).

Воин в колыбельных песнях адыгов немислим без его верного друга – самого быстрого, сильного, надежного коня: *дышьэ нахьутэ тедзагь* (золотая уздечка накинута на нем).

Вместе со своей воинственностью, идеальный герой песен обладает и такими качествами, как щедрость, доброта, внимание к родным, близким: *кьыдэхьажьымэ си Аслъаныр пчээлушхуа, уипчээлушхоми хьазынэшхор цагоци.* (по возвращении моего льва его двор большой наполняется людьми, во дворе большом раздают большие чудеса). Он - опора для семьи и людей: *уятэ цунэшхом тыгьэу укьыщепсы, дышьэ осэпсышьы жьуакьом утехи, чы-*

лэу узыщанІурэм ущыпкъэуиуху (в большом родительском доме ты как солнце светишься, золотой росой на воспитательницу свою спадаешь, для аула, где тебя воспитывают, ты - опора великая).

Заслужив доброе имя и славу, воспитанник благополучно возвращается, что является великим благом для сородичей: *уишыпэ шэсым сэшхор кытфещэжь, укъызыдэхъажьыкІэ ухъаблэгъэчэф* (воин из твоего авангарда везет нам твою саблю, твоё спешивание в родном доме – радость для односельчан).

Таким образом, как показало исследование, в материнском фольклоре адыгов объективируется два типа колыбельных пе-

сен: импровизированные песни (*цэнэ оредхэр*), состоящие из одной мелодии или из отдельных, периодически повторяющихся междометийных выражений, и собственно колыбельные песни, имеющие многоплановый сюжет. Колыбельные песни приурочены к детскому обряду, но, тем не менее, они хранят общественно значимую этническую информацию. Модель будущей жизни ребенка актуализирована на двух уровнях: непосредственно через благопожелания старших, предрекающих счастливую безоблачную жизнь, и опосредованно – через жизнеописание идеального героя, который предстает в песнях как доблестный воин, защитник своего рода и своего Отечества.

Примечания:

1. Райкова И.Н. Материнский, детский и «взрослый» фольклор: границы, переходы, влияния, совпадения // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всерос. конгресса фольклористов: сб. докладов. Т. 2. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 43-50.
2. Ибрагимова Ф.М. Детский поэтический фольклор малочисленных народов Южного Дагестана (рутулов, агулов, цахуров) // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всерос. конгресса фольклористов: сб. докладов. Т. 2. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 308-326.
3. Говорина А. Роль колыбельных песен и поэзии пестования в системе детского фольклора. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=454012>
4. Меретуков М.А. Родильные обычаи и обряды // Культура и быт адыгов. Вып. 1. Майкоп, 1997; Унэрэкъо Р. Адыгэмэ яушъый гъэсэпэтхыдэхэр = Наставления в фольклоре адыгов // Национальные традиции народов Адыгеи: генезис, сущность проблемы воспитания. Майкоп, 1994. С. 434-439.
5. Гучетль Ф.М. Языковые особенности колыбельных песен (на материале разносистемных языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2008. Вып. 1. С. 129-131.
6. Унарокова Р.Б., Паштова М.М. Перспективы изучения адыгского фольклора // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. Вып. 3. С. 63-70.
7. ЦА. АГУ – миархив. П. 23. Адыгэ кІэлэцІыкІу ЮрыІуат. Зыгъоигъэр Унэрэкъо Рай.
8. Мижаев М.И. Детский песенный фольклор адыгов: труды. КЧР, 1973. Вып. VII. С. 111-115.
9. Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1974. 633 с.
10. Джандар М.А. Песня в семейных обрядах адыгов. Майкоп, 1991. 144 с.
11. Налоев З. У истоков письменного искусства адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 1 / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. М.: Сов. композитор, 1980. С. 7-26.

References:

1. Raykova I.N. Maternal, children's and «adult» folklore: borders, transitions, influences, coincidence // From congress to congress: materials of the Second all-Russia congress of specialists in folklore: coll. of reports. V. 2. M.: State republican center of the Russian folklore, 2011. P. 43-50.
2. Ibragimova F.M. Children's poetic folklore of the smaller peoples of Southern Dagestan (the Rutuls, the Aghuls, the Tsakhurs) // From congress to congress: materials of the Second all-Russia congress of specialists in folklore: coll. of reports. V. 2. M.: State republican center of the Russian folklore, 2011. P. 308-326.
3. Govorina A. The role of lullabies and poetry of fostering in the system of children's folklore. URL://<http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=454012>
4. Meretukov M.A. Maternity customs and ceremonies // Culture and life of the Adyghes. Issue 1. Маикоп, 1997; Унэрэжъо Р. Адыгэмэ яушьый гъэсэпэтхыдэхэр = Instructions in the Adyghes' folklore // National traditions of the people of Adygheya: genesis, essence of the problem of education. Маикоп, 1994. P. 434-439.
5. Guchetl F.M. Linguistic features of lullabies (based on different system languages) // Bulletin of the Adyghe State University. Series "Philology and the Arts". Маикоп, 2008. Issue 1. P. 129-131.
6. Unarokova R.B., Pashtova M.M. Prospects of studying of the Adyghe folklore // Bulletin of the Adyghe State University. Series "Philology and the Arts". Маикоп, 2011. Issue 3. P. 63-70.
7. TsA. AGU – the archives. Item 23. Адыгэ кӀэлэцӀыкӀу ЮрыӀуат. Зыгъоигъэр Унэрэжъо Рай.
8. Mizhayev M.I. Children's song folklore of the Adyghes: works. KChR, 1973. Issue VII. P. 111-115.
9. Khan Girey. Selected works. Nalchik: Elbrus, 1974. 633 pp.
10. Dzhandar M. A song in family ceremonies of the Adyghes. Маикоп, 1991. 144 pp.
11. Naloyev Z. Origin of the Adyghes' written art // National songs and instrumental folk tunes of the Adyghes. V. 1 / comp. by V.Kh. Baragunov, Z.P. Kardangushev. M.: Sov. pisatel, 1980. P. 7-26.